

УДК 1(091)

**НЕОКАНТИАНСКИЙ ВОПРОС О МЕТОДЕ,
ПРОБЛЕМА ФОРМЫ И ЗНАЧЕНИЕ
ИЗМЕНЧИВОСТИ В ФИЛОСОФИИ
ГУСТАВА ШПЕТА
И ЭРНСТА КАССИРЕРА**

Н. Б. Афанасов¹

Кантианское наследие оказало ключевое влияние на формирование ландшафта теоретической философии в первой половине XX в. Не только в Германии, но и в России идеи Иммануила Канта представлялись философам основополагающими для философского поиска. Ключевые научные школы той эпохи формировались в рамках дискуссий о проблемах и предложенных Кантом способах их решения. Методологическое наследие критической философии фактически стало базовой установкой и ориентиром мышления целого поколения интеллектуалов. Исследования единства «формы» в структуре человеческого познания также были во многом опосредованы кантианской традицией. Для обоснования этого тезиса автор сначала обращается к философии Густава Шпета, творчески осмыслившего немецкую традицию и предложившего свой оригинальный проект, а затем – к теории Эрнста Кассирера, виднейшего представителя неокантианства, который в поздний период творчества предложил рассматривать феномены наук о духе как символические формы, наиболее близкие к спонтанности биологического. Общее, обнаруживающееся в подходах двух философов, – это попытка сохранить установку на целостность познания, которая разрушается в рамках математизации единого знаменателя (предельная категоризация) и иерархизации феноменов человеческой жизни. Альтернативой становится метафора мутационной изменчивости, через которую понятие «формы» обретает новый смысл. В заключение автор показывает, что эвристичность предпринятого рассмотрения проектов Шпета и Кассирера значима

¹ Институт философии РАН, Россия, 109240, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1. Поступила в редакцию: 06.07.2024 г.
doi: 10.5922/0207-6918-2024-3-5

**NEO-KANTIAN QUESTION ON METHOD,
THE PROBLEM OF FORM AND THE
MEANING OF VARIABILITY IN GUSTAV
SHPET AND ERNST CASSIRER'S
PHILOSOPHY**

N. B. Afanasov¹

The Kantian legacy has had a key impact on the landscape of theoretical philosophy in the first half of the twentieth century. Philosophers both in Germany and in Russia saw Immanuel Kant's ideas as seminal for their philosophical research. The main schools of that era were formed in discussions of the problems and the solutions which were proposed by Kant. The methodological legacy of the critical philosophy effectively became the main benchmark of the thinking of a whole generation of intellectuals. Research into the unity of "form" in the structure of human cognition was also in many ways mediated by the Kantian tradition. To prove this thesis I first look at the philosophy of Gustav Shpet who creatively interpreted the German tradition and proposed an original project of his own, and then I examine the theory of Ernst Cassirer, an outstanding representative of Neo-Kantianism who in the later period of his work proposed considering the phenomena of the humanities to be symbolic forms closest to the spontaneity of the biological. The common feature of the approaches of the two philosophers is their attempt to preserve the integrity of cognition which is destroyed by mathematisation of the common denominator (ultimate categorisation) and hierarchisation of the phenomena of human life. The alternative is the metaphor of mutational change, through which the concept of "form" acquires a new meaning. In conclusion I show that the analysis of the projects of Shpet and Cassirer has heuristic value for the historical-philosophical un-

¹ Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation.
Received: 06.07.2024.
doi: 10.5922/0207-6918-2024-3-5

как для историко-философского понимания судьбы кантианской философии, так и для современной философии культуры.

Ключевые слова: Кант, Шпет, Кассирер, философия культуры, науки о духе, символическая форма, форма форм, мутационная изменчивость

Философский проект Иммануила Канта всегда существовал в пространстве мысли, динамика внутренних потенциалов которого задавалась сложными конфигурациями притяжений и отталкиваний. При работе с наследием немецкого философа такое обращение к изобретательной метафорике («конвергенции — дивергенции»), отсылающей к естественным наукам (от математики и физики до биологии), уже стало привычным делом (см.: Володин, Зильбер, Рифальский, 2024). Парадоксальная эффективность этого приема заключена не в том, что особое значение Канта состоит в акцентуации частных особенностей мысли, поиска противоречий, а в том, что созданная в Кёнигсберге критическая философия всякий раз вступала в диалог. «Собеседниками» могли быть философская традиция, само время, то есть самосознание эпохи, конкретный философ, чьи амбиции требовали начать диалог с кёнигсбергским профессором. Современная интеллектуальная жизнь, сумевшая найти некоторый хрупкий баланс между чисто академическими формами существования (преимущественно базирующимися на работе с историей мысли) и применением публичного разума, обращается к Канту как к авторитету, возможно, чаще, чем к любому другому философу (Гусейнов, 2024). Само это говорит многое о том, что значит Кант для любой развитой национальной философской традиции, к числу которых относится и русская философия.

Впрочем, краеугольное значение философии Канта не тождественно роли «замкового камня» в зданиях (национальных) философий:

derstanding of the fate of the Kantian philosophy and for modern philosophical culture.

Keywords: Kant, Shpet, Cassirer, philosophy of culture, Geisteswissenschaften, the humanities, symbolic form, form of forms, mutational variability.

Immanuel Kant's philosophical project has always existed in the intellectual space in which the dynamics of inner potentials was determined by complex configurations of attractions and repulsions. In dealing with Kant's legacy the use of imaginative metaphors ("convergence-divergence"), which make one think of natural sciences (from mathematics and physics to biology) has become all in a day's work (see Volodin, Zilber and Rifalsky, 2024). The paradoxical effectiveness of this device consists not in the fact that Kant stresses particular features of thought and looks for contradictions, but in the fact that his critical philosophy invariably entered into a dialogue. The "interlocutors" could be the philosophical tradition, time itself, i.e. the self-consciousness of an epoch, a concrete philosopher whose ambition demanded that he enter into a dialogue with Kant. Modern intellectual life, which has managed to find a fragile balance between purely academic forms of existence (mainly focused on the history of thought) and the use of public reason, turns to Kant as an authority arguably more often than to any other philosopher (Guseinov, 2024). This speaks volumes about what Kant means for any developed national philosophical tradition, including Russian philosophy.

However, the key significance of Kant's philosophy is not identical with the role of the keystone in the construction of (national) philosophies: no serious philosophical structure could stand without the critical philosophy, it would simply collapse under its own

без критической философии не обходилось бы ни одно серьезное философское построение, просто разрушаясь под собственным весом. Однако история последних двух столетий показывает, что это не совсем так, а иногда и вовсе не так. Мы полагаем, что, говоря о Канте, полезно иметь в виду мысль вида: философская традиция Х «может быть понята как “кантианская” в смысле наследования кантовской тематике и ее возможного переосмысления, что не подразумевает обязательного согласия с какими-либо частными кантианскими аргументами» (Kemling, 2019, p. 2). Говоря проще, Канта нельзя обойти стороной, но не следует быть очарованным поистине магическим звучанием его имени для современности и ряда ключевых «теоретических» традиций. В конце концов, даже в границах кантианской системы есть философские сферы, которые лишь ограниченно поддаются осмыслению кантианским критическим разумом. Есть и вновь возникшие социальные закономерности, которые практическая философия Канта не могла предвидеть. Частным, но показательным примером здесь может служить возможная только в обществах с низкой инфляцией (в одном из таких жил сам Кант) идея о том, что боязнь стать должником может быть серьезным аргументом для государств против вступления в военные конфликты (AA 08, S. 28; Кант, 2024, с. 44). Современная глобализованная денежная система и высокая инфляция ставят это кажущееся безусловным соображение под сомнение.

* * *

В нашем рассмотрении мы попытаемся взглянуть на наследие Канта как на живую и важную часть традиции отечественной и мировой философии. Для этого мы обратимся к двум фигурам, которые находились в диалоге с вдохновленной Кантом мыслью, а именно к Гу-

weight. However, the history of the last two centuries shows that this is not quite so, and sometimes not so at all. I believe that in speaking about Kant it would be helpful to keep in mind that a philosophical tradition “can be understood as ‘Kantian’ in the sense of inheriting and reinterpreting Kantian themes, without being forced to agree with any specific Kantian argument” (Kemling, 2019, p. 2). In other words, Kant cannot be sidestepped, but one should not fall under the magic spell his name casts on modernity and some key “theoretical” traditions. After all, even within the Kantian system there are philosophical areas which are amenable to Kantian critical reason only up to a point. And new social regularities have since emerged which Kant’s practical philosophy could not have foreseen. A specific but telling example is the idea, possible only in low-inflation societies (Kant lived in one) that fear of falling into debt can be a serious argument for states not to enter into military conflicts (*IaG*, AA 08, p. 28; Kant, 2007, pp. 117-118). The modern globalised monetary system and high inflation call this seemingly incontrovertible idea into question.

* * *

This paper is an attempt to look at Kant’s legacy as a living and important part of the tradition of philosophy in Russia and the world. To this end I turn to the two figures who were engaged in dialogue with Kant-inspired thought, namely Gustav Shpet (1879–1937) and Ernst Cassirer (1874–1945).² The signif-

² The idea of making such a comparison was suggested in the fall of 2017 during my stint at the Department of Philosophy of Humboldt University under Professor Christian Möckel (1952–2023), who, together with Professor Martina Plümacher, was chief of a working group studying the legacy of Ernst Cassirer under the aegis of the Ernst Cassirer International Society at Berlin Technical University. See: <https://ernst-cassirer.org/arbeitsgruppen/ernst-cassirer-ag-an-der-tu-berlin/>.

ставу Шпету (1879–1937) и Эрнсту Кассиреру (1874–1945)². Значение Канта для формирования и исследования русской философской традиции уже становилось предметом серьезных исследовательских проектов (см.: Дмитриева, 2007; Круглов, 2009; 2012; 2024). Как замечательно показал А. Н. Круглов, в российской истории восприятие Канта было сложным и подчас эмоциональным. Обратим внимание на то, как В. И. Повилайтис, отталкиваясь от исследования Круглова, характеризует эпитеты, употребляемые по отношению к немецкому философу: «...образ Канта в русской философии был многолик и неоднозначен: его проклинают как *тюремщика, философа отчаяния, чья речь замораживает все живое*; но был в русской мысли и другой Кант — *прославленный мудрец и воспитатель разума*» (Повилайтис, 2011, с. 109). Русской философской традиции присуща определенная экспрессия в оценках, но далеко не каждый философ удостоивался таких полярных и «живых» оценок. С методологической точки зрения, возможно, следовало бы провести линию разграничения между академической философией и неакадемической (не только литература, но и публицистика), что еще сильнее усложнило бы контексты рецепции.

Говоря проще, предметное поле кантианской философии, к которому мы обращаемся, подвержено действию самых разных сил, и даже поверхностного взгляда достаточно для того, чтобы убедиться в том, что притяжения и отталкивания между разными фигурами на этом поле сложны для описания. Поэтому мы считаем возможным упростить задачу, то есть анализ отношений, добавив в ее конфигурацию балансирующий элемент. Русские фило-

² Идея этого сравнения возникла осенью 2017 г. во время моей стажировки на факультете философии Гумбольдтовского университета у профессора Христиана Мёккеля (1952–2023), который совместно с профессором Мартиной Плюмахер руководил рабочей группой по изучению наследия Эрнста Кассирера, действовавшей под эгидой Международного общества Эрнста Кассирера на базе Технического университета Берлина. См.: <https://ernst-cassirer.org/arbeitsgruppen/ernst-cassirer-ag-an-der-tu-berlin/>

ificance of Kant for the development and study of the Russian philosophical tradition has already been the subject of serious research projects (see Dmitrieva, 2007; Krouglov, 2009; 2012; 2024). As Aleksei N. Krouglov aptly demonstrated, the perception of Kant in Russian history was complex and occasionally emotional. Vladas I. Povilaitis (2011, p. 109), taking the cue from Krouglov, thus describes the epithets used with regard to Kant: “[...] the image of Kant in Russian philosophy is many-faced and ambivalent: he is cursed as a *jailer, the philosopher of despair whose speech freezes everything that lives*; but there was also a different Kant in Russian thought, a *famous sage and educator of reason*.” The Russian philosophical tradition generally tends to be expressive in stating its views, but not every philosopher is accorded such polar and emotional assessments as Kant. Methodologically, a distinction should probably be made between academic and non-academic philosophy (literature and the journalism of opinion), which would make matters still more complicated.

In other words, the field of Kantian philosophy as an object is exposed to diverse forces, such that even a cursory look is sufficient to see that describing the attractions and repulsions between different figures in this field is a challenge. So, I thought it would be possible to simplify the task, i.e. the analysis of relations, by adding a balancing element to the configuration. Russian philosophers who studied Kant did it in different ways. The key figures, who undoubtedly include Gustav Shpet, merit particular attention and the approach using the categories of convergences and divergences is eminently apposite. Pursuing one of the “Kantian” themes in philosophy after Shpet may give insights into the intellectual tension generated by the project of the Russian philosopher who was thoroughly con-

софы, обращавшиеся к наследию Канта, делали это совершенно по-разному. Ключевые фигуры, к которым, вне всякого сомнения, относится и Густав Шпет, заслуживают особого внимания, а постановка вопроса в категориях конвергенций и дивергенций применительно к его наследию выглядит особенно органичной. Развитие одной из «кантианских» тем в философии *после* Шпета может помочь нам понять, как внутренне было устроено интеллектуальное напряжение в проекте русского философа, который прекрасно знал кантианскую философию и относился к ней с уважением (Шпет, 2014, с. 60), понимая ее ценность и значение, но имел мужество отстаивать *свою* оригинальную позицию. Такими сквозными темами являются «вопрос о “формах”» и логика познания в науках о культуре.

На самом деле кантианская философская система, будучи открытой лишь номинально, в истории мысли, тяготеет к тому, чтобы превращаться в самодостаточный универсум смыслов (Судаков, 2022). С такой оценкой кантианского проекта мы сталкиваемся в целом ряде областей. И, по всей видимости, историко-философская беспристрастность толкает нас к тому, чтобы атрибутировать это свойство самой философии Канта. Несмотря на то что расхожим является противопоставление кантианской критической философии и монументальному зданию, к примеру, гегелевской диалектики, строительство которого осуществлялось с опорой на чертежи Канта, это вовсе не означает, что кантианство принципиально открыто. Возможно, критический метод Канта более отвечает этому требованию, но текстуальный массив трех «Критик» и сопутствующих сочинений образует пространство, в котором можно вполне успешно и автономно существовать.

Одним из «притяжений» кантианского проекта является как раз эта замкнутость, в то время как «отталкиванием» становится импульс на развитие кантианских идей. Не следует упускать из вида, что Кант не был просто «школьным» или наиболее популярным философом на

versant with the Kantian philosophy and had high regard for it (Shpet, 2014, p. 60), but also had the courage to uphold *his own* original position. Such “recurrent” themes are “the question of ‘forms’” and the logic of cognition in the sciences of culture.

In reality the Kantian philosophical system, being open in name only, has a tendency in the history of thought to turn into a self-sufficient universe of meanings (Sudakov, 2022). We find this assessment of the Kantian project in a number of areas. Historical-philosophical impartiality prompts us to attribute this quality to Kant’s philosophy itself. Although the Kantian critical philosophy is commonly contrasted with, for example, the monumental edifice of Hegelian dialectics, which was erected on the basis of Kant’s blueprint, this does not mean that Kantianism is an open system in principle. Kant’s critical method may correspond to this requirement, but the textual body of the three *Critiques* and related works forms a space in which one can exist happily and autonomously.

One of the “attractions” of the Kantian project is its closedness, whereas the “repulsion” is the impulse to develop the Kantian ideas. We should bear in mind that throughout the nineteenth century Kant was neither a “school” philosopher nor the most popular one. His investiture as an intellectual leader of the German nation (along with Hegel) took place later and his status was dogmatically fixed for the world community in the sphere much less associated with Kant by professional philosophers, namely in the sphere of international politics and socio-political interpretation of modernity (Habermas, 1998, p. 260).

The third figure that may shed light on various aspects of Kantian divergences and convergences through which the attitude of Gustav Shpet and Immanuel Kant can be understood is that of Ernst Cassirer. Strictly speaking, my

всем протяжении XIX в. Его вступление в права одного из интеллектуальных лидеров германской нации (наряду с Гегелем) состоялось позже, а догматически зафиксировано для мирового сообщества было и вовсе в сфере, куда реже ассоциируемой с Кантом профессиональными философами, то есть в сфере международной политики и социально-политического осмысления современности (Хабермас, 2008, с. 269).

Третьей фигурой, помогающей уяснить различные аспекты кантианских дивергенций и конвергенций, через которые может быть понято отношение Густава Шпета и Иммануила Канта, выступает Эрнст Кассирер. В строгом смысле наше предприятие далеко от традиционной модели историко-философского исследования, технической частью которого является обязательный интертекстуальный анализ, обнаруживающий влияния и прямое осмысление, критику или диалог. Это возможно для Шпета и Канта (Щедрина, Щедрина, 2023), для Кассирера и Канта, но невозможно для Шпета и Кассирера. Впрочем, Шпет знал о философских трудах последнего (Шпет, 2014, с. 174), хотя и не имел возможности ознакомиться с ключевыми работами своего немецкого коллеги предметно. Мы предлагаем концептуальное исследование сближений и расхождений в подходах Густава Шпета и Эрнста Кассирера, которые особым образом концептуализировали (нео)кантианский метод, во-первых, в рамках построения методологии познания и, во-вторых, в качестве создания оригинальной философии культуры.

В пользу оправданности нашего подхода свидетельствуют работы учеников Шпета. В годы работы в ГАХН Шпет и его ученики непосредственно обращались к предмету нашего исследования, что станет более общим достоянием истории отечественной мысли после публикации архивных материалов. Так, уже сейчас известно, что Николай Жинкин подготовил рецензию на книгу Кассирера «Форма понятия в мифическом мышлении» (Cassirer, 1922), в которой подробно анализировал расширение нередукционистской логики позна-

undertaking is remote from the traditional model of historical-philosophical research, of which an obligatory technical part is intertextual analysis that discovers influences and direct interpretation, critique or dialogue. This is possible for Shpet and Kant (Shchedrina and Shchedrina, 2023), for Cassirer and Kant but not for Shpet and Cassirer. Shpet knew about Cassirer's philosophical works (Shpet, 2014, p. 174), although he had no direct access to his German colleague's works. I propose a conceptual study of the similarities and differences between the approaches of Gustav Shpet and Ernst Cassirer who conceptualised the (Neo-)Kantian method, first, as part of building the methodology of cognition and, second, as part of creating an original philosophy of culture.

My approach chimes with the works of Shpet's disciples. During the years of work at the State Academy of Art Sciences Shpet and his pupils came to grips with the object of this study, as will become clear after the publication of the relevant archive materials. Indeed, we already know that Nikolai Zhinkin wrote a review of Cassirer's *The Form of the Concept in Mythical Thinking* (Cassirer, 1922; cf. Cassirer, 2013), in which he gave a detailed analysis of the extension of non-reductionist logic of cognition to culture (cf. Zhinkin and Plotnikov, 2023; Plotnikov, 2023). The self-awareness of that epoch was in many ways determined by the achievements of natural science. The originality of Cassirer's approach to the theory of culture coincides in its logical form with the transition (or rather, renewal) of the evolutionary theory in line with the development of mutational biology and genetics (Knyazeva, 2019, p. 26). The phenomenological basis of Shpet's task of understanding cultural and historical forms is also close to this, although it focuses on the historical-cultural autonomy of form itself as a social fact. With inevitable simplification, a framing

ния применительно к культуре (см.: Zhinkin, Plotnikov, 2023; Plotnikov, 2023). Самопонимание той эпохи во многом определялось достижениями в естествознании. Оригинальность подхода Кассирера в области теории культуры совпадает по своей логической форме с переходом, а точнее, с обновлением эволюционной теории в соответствии с развитием мутационной биологии и генетики (Князева, 2019, с. 26). Феноменологическая основа шпетовской задачи по пониманию смысла культурных и исторических форм также к этому близка, хотя и сосредоточивается на историко-культурной автономии самой формы как социального факта. Неизбежно упрощая, можно предложить рамочную метафору: и Шпет, и Кассирер отходили от идеала математизированных наук о жизни как единственно возможных, погружаясь в кажущийся менее стройным, но на деле более соответствующий предмету мир психологии, биологии, истории и культуры. Впрочем, и эти образцы были таковыми лишь для освобождения от диктата математического, служа ступенью для философской абстракции самой формы: «Догма “образцовой науки” (“математического естествознания”!)... опровергается не только как догма, но и самый метод “конструирования”, “образования понятий” и под[обные] раскрываются в своей вдовьей бесплодности» (Шпет, 1914, с. 217).

Ключевым для философского понимания культуры становится «вопрос о формах». Современная философская наука в значительной степени отошла от актуализации самого понятия «формы» в рамках разговора о функционировании культуры. Несмотря на функционирование слова «форма» в обыденном языке, — оно задано системой координат «форма» — «содержание», — причина потери интереса к «формам» культуры в другом. В рамках археологии философского знания окажется, что они, радикальным образом, слишком содержательны, то есть предпосылочны. В то же время актуальное смысловое поле работы с культурой тяготеет к определению ее многообразия через (ан-

metaphor) can be proposed: both Shpet and Cassirer moved away from the ideal of mathematized life-sciences as the solely possible ones towards the world of psychology, biology, history and culture which seemed to be less ordered but, in reality, more adequate to the object of study. These models, however, were meant to eliminate the *diktat* of the mathematical, as a step towards philosophical abstraction of the form itself: “The dogma of a ‘model science’ (‘mathematical natural science’!) is [...] denied not only as dogma, but its very method of ‘concept construction’, of ‘concept formation’ etc. is also revealed in its isolated futility” (Shpet, 1991, p. 170).

“The question of forms” becomes key to philosophical understanding of culture. Modern philosophical science has to a large extent departed from the concept of “form” in the framework of the conversion about the functioning of culture. The word “form” is used in day-to-day language to refer to the opposition of “form and content” in the system of coordinates. The reason for the loss of interest in “forms” of culture lies elsewhere. The archeology of philosophical knowledge reveals that they have *too much* content, i.e. they are premise-based. At the same time the actual work with culture gravitates towards the definition of its diversity through (anthropological) “practices”. This shows that form is far more substantive. It shapes content in a certain way (Shpet, 2019, p. 66), transforming the material and empirical reality itself given to us as socially and culturally mediated experience.

The idea of form in general, i.e. of “form of forms”, in Shpet’s philosophy cannot be understood without a more general idea of the historical development of philosophy and its continuity. Inner form, its very idea, goes back to Plato’s thought, which in Shpet’s perspective represents a “positive” tradition in philos-

тропологические) «практики». Благодаря этому становится очевидно, что форма куда более субстанциальна. Она формирует содержание определенным образом (Шпет, 2005, с. 322), преобразуя материал и саму эмпирическую реальность, данную нам как социально и культурно опосредованное переживание.

Идея о форме вообще, то есть о «форме форм», в философии Густава Шпета не может быть понята без более общего его представления об историческом развитии философии и преемственности в ней. Внутренняя форма, сама ее идея восходит к мысли Платона, которая в рамках историософской концепции Шпета относится к «положительной» традиции философии (Шпет, 2014, с. 11). С хладнокровием метеоролога Шпет фиксирует смену этапов и главенствующих установок в философии на протяжении истории. Он принимает взгляд на историческую динамику мысли как на смену «положительных» и «отрицательных» доминирующих дискурсов. Эти обозначения имеют двойственную природу, что следует иметь в виду, чтобы не оказаться обманутым смыслами метафор. «Отрицательная» философия негативна, но не ничтожна; в рамках диалектического движения мысли она способна создавать интеллектуальные напряжения, позволяющие вернуться к проблематике «положительной» философии (которая только и может считаться содержательной) на уровне своей эпохи (Там же, с. 49).

«Положительная» же философия положительна по определению, то есть ее целевая причина и способы реализации (хороший вопрос: не обуславливает ли одно другое?) направлены на достижение результата, чье содержание состоит не в производстве критического отрицания, но в достижении результата, которым нельзя пренебречь в процессах рассмотрения действительности. «Отрицательная» философия тем не менее также содержательна, коль скоро она «философия». Эта составляющая культуры не может быть негативистской, до тех пор пока она продолжает оставаться собой. С точки зрения Шпета, в противном случае она

опы (Shpet, 2014, p. 11). With the coolness of a meteorologist Shpet records the succession of stages and prevalent attitudes in philosophy over time. He sees the historical dynamics of thought as a succession of “positive” and “negative” dominant discourses. These designations have a dual nature, which has to be kept in mind not to be misled by the meanings of the metaphors. “Negative” philosophy is negative, but not negligible; in the dialectical movement of thought it can create intellectual tensions which make it possible to return to the problems of “positive” philosophy (which alone can be considered to be substantive) at the level of its epoch (*ibid.*, p. 49).

By contrast, “positive” philosophy is positive by definition, i.e. its purpose and implementation methods (is the one perhaps a precondition for the other?) are aimed at achieving a result, i.e. not a critical negation, but an achievement of a result that cannot be neglected in the process of cognising reality. Even so, “negative” philosophy is also substantive as long as it is “philosophy”. This component of culture cannot be negativist as long as it remains itself. Otherwise, according to Shpet, it ceases to be philosophy. The philosopher’s task is to use reasonable analysis to achieve a positive result, often exemplified by Shpet’s own interpretations: “The task of the presentation that follows is not so much to show Humboldt’s vacillations and searches as to interpret his vacillations in order to extract from his idea the positive meaning which could be accepted by modern science” (Shpet, 2006, p. 60).

The above foray into the genealogy of the question of the positioning of philosophical reflection should be seen in the context of “the question of form” (*ibid.*, p. 14). In general, the question of philosophy as a form of thought about form tallies with Shpet’s concept of the tasks of positive philosophy in the framework

перестает быть философией. Задача философа состоит в том, чтобы посредством разумного анализа прийти к положительному результату, примером чего часто выступают интерпретации самого Шпетта: «Задача дальнейшего изложения не столько в том, чтобы показать колебания и поиски Гумбольдта, сколько в том, чтобы интерпретировать его колебания с целью извлечь из его идеи положительное значение, которое могло бы быть принято в современную науку» (Шпет, 2006, с. 60).

Этот предпринятый нами небольшой экскурс в генеалогию вопроса о позиционировании философского размышления нужно понимать в контексте «вопроса о форме» (Там же, с. 14). В общем виде вопрос о философии как форме мышления о формах совпадает со шпетовским пониманием задач положительной философии, то есть сама постановка вопроса о наличии содержательных и положительных форм — это и есть положительная форма философии, в рамках которой строит свой проект Шпет. Ключевые интуиции русского философа формировались в сложном контексте философских дискуссий начала XX в. При анализе значение имеет не комплексность, а специфичность этой комплексности. Шпет пребывал в некотором противоходе интеллектуального движения, то есть, с одной стороны, он был русским философом, не просто находясь в центре дискуссий своего времени, но участвуя и в институциональной организации науки (организация Института научной философии (Сидорин, Черняев, Щедрина, 2021)). Такая честь выпадала не всем. С другой стороны, он абсолютно универсальный мыслитель, то есть его мысль отражает интуиции, методологию и современность передовой на тот момент школы феноменологической философии.

Именно на этом уровне раскрывается то, без чего «вопрос о формах» может быть лишь вопросом о пустоте. Оказывается, что, направляя мысль определенным образом — особо подчеркнем, что этот вектор задан не только самим предметом, но пониманием контекста, в кото-

of which Shpet builds his project. The Russian philosopher's main ideas were formed in the complex context of philosophical discussions of the early twentieth century. What matters is not the complexity but the specificities of this complexity. In a certain sense, in the intellectual movement of his time, he was swimming against the current. On the one hand, he was a Russian philosopher who was not merely at the centre of contemporary discussions but was also involved in the institutional organisation of science (organisation of the Institute of Scientific Philosophy (cf. Sidorin, Chernyayev and Shchedrina, 2021)). Such an honour was not bestowed on everyone. On the other hand, he was an absolutely universal thinker, which means that his thought reflected the intuitions, methodology and timeliness of the phenomenological philosophy which was on the cutting edge at the time.

It is on that level that something is revealed without which “the question of forms” can only be a question which remains empty. It turns out that by directing thought in a certain way — let us stress that the vector is determined not only by the object, but also by awareness of the context in which philosophy-based culture thinks about the object — we discover that form is always reflected in language, aesthetic experience and creative activity. Shpet's ideas are innovative in the general context of his thought, but they have a basis: he took the idea of form from the German philosophical thought of the twentieth century which, in spite of certain stereotypes, was far more pluralistic than it appears from outside.

This strand of research did not lead to the creation of a major scientific school and was not institutionalised. It is hard to say whether Shpet would have succeeded had his personal fate been different. Be that as it may, the question of forms is becoming once more relevant in

ром основывающаяся на философии культура вообще мыслит о предмете, — мы обнаруживаем, что форма с необходимостью выражается в языке, эстетическом переживании, созидательной деятельности. Идеи Шпета — новаторские в общем контексте его мысли, но они имеют под собой основу: представления о форме почерпнуты им из немецкой философской мысли XIX в., которая, несмотря на определенный стереотип, была куда более плюралистичной, чем это видится извне.

Это направление исследований не получило своего продолжения в виде создания крупной научной школы и не преобразовалось в институционализированные традиции. Сложно судить, получилось бы это у Шпета, сложись его личная судьба по-другому. Но тем не менее вопрос о формах вновь актуализируется в современности, которая, с одной стороны, ощущает усталость от практико-ориентированных «больших» нарративов (прежде всего идеологических), а с другой — сталкивается с кризисом в самопонимании своих задач и способов их решения. Если мы достигли предельной ясности, «все понятно», а остались лишь частные вопросы, то почему мы не можем на них ответить? Почему те ответы, которые есть, нас не удовлетворяют? Это не вписывается в позитивистский нарратив, что было очевидно уже Шпету (Шпет, 2010, с. 55). Если следовать его классификации, это как раз то состояние «отрицательной» философии, за которым может (или должно) последовать положительное мышление. Из сегодняшней перспективы Шпет выглядит одинокой фигурой — вне всякого сомнения, его научный потенциал, который имел все шансы развиваться в рамках отечественной философской традиции, оказался не до конца реализован. Впрочем, сегодня предпринимаются попытки переосмысления его наследия в контексте актуальных проблем философии (Денн, 2023, с. 16).

Несмотря на все различия биографических обстоятельств — судьба не всегда благоволила Кассиреру, но все же ему удалось обезопасить

modernity which, on the one hand, is weary of practice-oriented “grand” narratives (above all ideological) and, on the other hand, faces a crisis in understanding its tasks and ways of solving them. If we have achieved ultimate clarity and “everything is clear,” while only particular questions remain, why cannot we answer them? Why are the answers we have unsatisfactory? This does not fit into the positive narrative, of which already Shpet was aware (Shpet, 2010, p. 55). According to his classification, this is the state of “negative” philosophy which may (or must) be followed by positive thinking. From the vantage point of today Shpet looks like a lone figure: without any doubt his scientific potential, which had every chance of developing within the Russian philosophical tradition, was not fully tapped. Anyway, today we see attempts to reinterpret his legacy in the context of the current problems of philosophy (Dennes, 2023, p. 16).

In spite of the difference of biographical circumstances — fortune was not always kind to Cassirer, but he managed to keep out of harm’s way — the legacy of one of the leading Neo-Kantians also turned out to be just a particular case of the development of philosophical thought, although it claimed to be more systematic (Luft, 2005). Shpet and Cassirer never interacted directly, but their views on the question of forms are basically similar and through him we can see what an interesting interpretation of the Kantian philosophy both of them provided. In 1939, living in emigration in Sweden, Cassirer delivered a series of lectures on the foundations and methodology of cognition. He emphasised the theory of knowledge in sciences and culture, distinguishing natural science from culture science only in terms of the object and in a certain way of methodology, but not arranging them in a hierarchy. These later reflections sum up the dialogue

себя, — наследие одного из ведущих неокантианцев также оказалось лишь частным случаем развития философской мысли, хотя претендовало на большую системность (Luft, 2005). Шпет и Кассирер не находились в непосредственном взаимодействии, но их взгляды на вопрос о формах принципиально схожи, и через него мы сможем увидеть, какая интересная интерпретация кантианской философии была ими осуществлена. В 1939 г., находясь в эмиграции в Швеции, Кассирер выступает с серией докладов, посвященных основаниям и методологии познания. Особый акцент философ делает на теории познания в науках о культуре, различая естественно-научное познание и познание в культуре лишь в соответствии с предметом и, некоторым образом, методологией, но не ранжируя их, не выстраивая иерархию. Эти поздние размышления подводят итог диалогу с неокантианством, подчеркивая влияние биологии на мышление философа (Князева, 2019, с. 33).

Несмотря на то что Кассирера принято относить к виднейшим представителям неокантианства, влияние феноменологической традиции на его мысль в вопросах теории познания, возможно, более значительно. Кассирер наделяет вариативность проявлений человеческой практики в культуре абсолютной ценностью (Cassirer, 2011, S. 135). Само существование разных практик не требует легитимации и контейнеризации в рамках выстраивания жесткого категориального каркаса познания. Вопрос о познании — это не только вопрос о том, с чего начинается познание в области методологии. И с точки зрения Кассирера, и с точки зрения Шпета, это уже как минимум следующий шаг. Вначале есть переживание, которое изначально не осмысливается теоретически, но переживается как часть мира, оно неразрывно с субъектом (Мотрошилова, 2006, с. 302–303). Его свойством является возможность превратиться в воспоминание, то есть опредметиться в рамках внутренней жизни человека. Там оно может существовать только как смысл.

with Neo-Kantianism, highlighting the influence of biology on his thought (Knyazeva, 2019, p. 33).

Although Cassirer is considered to be one of the foremost representatives of Neo-Kantianism, his views on the theory of cognition were probably influenced more by the phenomenological tradition. Cassirer attaches absolute value to the diversity of manifestations of human practices in culture (Cassirer, 2011, p. 135). The existence of different practices does not require legitimisation and compartmentalisation in the framework of a rigid categorical structure of knowledge. The question of knowledge is not only about what cognition begins with in the sphere of methodology. For Cassirer and for Shpet, this is as a minimum the next step. First comes experience, which initially is not understood theoretically, but is experienced by the subject as part of the world, inseparably bound up with the subject (Motroshilova, 2006, pp. 302-303). Its attribute is that it may become a memory, i.e. be objectified in a person's inner life. There, it can exist only as a meaning.

The positive question about a single scheme of cognition in Neo-Kantianism hinges on the search for an adequate mathematical apparatus (Dmitrieva, 2007, p. 63) and the ability to render this structure in the language of the human being's life-world. Not being an immediate experience, mathematics is knowledge that simultaneously explains everything, but does not give the content of the single form. Despite the paradoxical character of this thesis in the context of the foregoing, arguably the understanding of the nature of mathematical number both by Cassirer and by Shpet should be seen as a disjunctive logical operation, i.e. separation and distinction which has no primary form, or inner form, or "form of forms". Cassirer (2020, p. 8) explicitly writes about the

Положительный вопрос о единой схеме познания в неокантианстве лежит в плоскости поиска адекватного математического аппарата (Дмитриева, 2007, с. 63) и умения переложить эту структуру на язык жизненного мира человека. Не будучи чем-то непосредственно переживаемым, математика оказывается знанием, которое одновременно объясняет все, но не задает содержание единой формы. Несмотря на всю парадоксальность этого тезиса в контексте предыдущего изложения, можно предположить, что понимание природы математического числа и у Кассирера, и у Шпета следовало бы отнести к дизъюнктивной логической операции, то есть к разделению и отличению, не имеющему первоформы, то есть внутренней формы, или «формы формы». Кассирер прямо пишет об ограничениях математической универсальности: «Математическое и естественно-научное бытие, в его идеалистическом понимании и толковании, не исчерпывает всей действительности...» (Кассирер, 2017, с. 16).

На самом базовом дискурсивном уровне бросается в глаза отличие в философии форм у Кассирера и Шпета. Идея о том, что есть «форма форм» как понятие, которое объемлет все остальные формы, одновременно являясь их определением, не занимает мышление немецкого философа. Какое отношение это имеет к кантианству? Одна из первостепенных задач, которая стояла перед неокантианским движением, заключалась в изучении только становящихся наук о культуре, формировании их методологического базиса. Последние, несмотря на то что рубеж XIX–XX вв. общепринято считается временем разделения единого древа научного познания, не имели своей методологической автономии. Показательна здесь позиция ключевого мыслителя для немецкой традиции – Адольфа Тренделенбурга (1802–1872): «Связь философии и позитивных наук, о чем идет речь в трудах Тренделенбурга, воплощает историко-культурную действительность, чей смысл в конечном счете подлежит рациональному определению» (Дмитриева, 2007, с. 49). До сфе-

limitations of mathematical universality: “The mathematical natural-scientific being, in its idealistic version and interpretation, does not exhaust all reality [...]”

At the basic discursive level, one is struck by the difference in the philosophy of forms with Cassirer and Shpet. The idea that there exists the “form of forms” as a concept that embraces all the other forms while simultaneously being their definition, does not engage the German philosopher’s mind. What does it have in common with Kantianism? One of the prime tasks that faced the Neo-Kantian movement was to study the emergent sciences of culture and create their methodological foundation. The latter, even though the turn of the nineteenth and twentieth centuries is commonly considered to be the time of the split of the single tree of knowledge, did not have an autonomous methodology. The position of Friedrich Adolf Trendelenburg (1802–1872), the key thinker for the German tradition, is revealing: “The link between philosophy and the positive sciences, which Trendelenburg writes about, embodies historical-cultural reality whose meaning at the end of the day is subject to *rational* definition” (Dmitrieva, 2007, p. 49). *Sciences of culture* did not exist prior to specialisation of scientific knowledge driven by socio-economic factors or technical development of the experimental base, but above all by the change of methodological notions of what was possible. The understanding of the body of humanistic knowledge as being identical to the breakdown of humanistic sciences constitutes the error of presentism. For Shpet and Cassirer this process was contemporary, all the more valuable are their intuitions concerning the philosophy of culture.

One of the tasks that faced Neo-Kantianism was legitimising the study of culture sciences and their cognitive status. At that time this

ры специализации научного знания, в основе которого лежали не только социально-экономические причины или техническое развитие экспериментальной базы, но прежде всего изменение методологических представлений о возможном, *наук* о культуре не существовало. Понимание комплекса гуманитарного знания как тождественного развитому членению гуманитарной науки, таким образом, заключает в себе ошибку презентизма. Для Шпетта и Кассирера этот процесс был современен, и тем ценнее их интуиции в отношении философии культуры.

Одной из задач, стоявших перед неокантианством, была легитимация изучения наук о культуре и их познавательного статуса. В тех условиях это подразумевало и легитимацию автономии сферы культуры вообще, в особенности ее гуманистического пафоса. Философия символических форм Кассирера — это историческая попытка решить две эти задачи, не выбирая в качестве универсального метода принципы естественно-научного познания в его математической форме (Cassirer, 1907, S. 32—35). Показательно, что, в отличие от виднейших представителей неокантианства, у него есть теория познания культурных форм, но нет как таковой эксплицированной методологии познания вообще, на которой основывается смысл «коперниканского переворота», продолженного неокантианской традицией.

Осмысление этого факта имеет большое значение для понимания принципов функционирования философского знания того времени. Сыграло свою роль и межевание неокантианских школ, условность историко-философского взгляда на этот феномен в самом общем смысле. Однако кантианская критика основ познания Кассирера не стала методическим руководством для всех философов, которых можно было бы объединить под зонтичным термином «неокантианцы». Задача состояла в том, чтобы поставить под сомнение математическую природу естественных наук как единственных подлинно заслуживающих того, чтобы именоваться науками. Для Шпетта эта мысль была са-

also implied legitimisation of the autonomy of the sphere of culture in general, especially its humanistic pathos. Cassirer's philosophy of symbolic forms is a historic attempt to solve these two tasks without choosing as the universal method the principles of natural scientific cognition in its mathematical form (Cassirer, 1907, pp. 32-35). It is noteworthy that, unlike the foremost representatives of Neo-Kantianism, he has a theory of cognition of cultural forms but not an explicit methodology of cognition in general which underpins the "Copernican turn" that the Neo-Kantian tradition carried on.

Awareness of this fact is important for understanding the principles of the functioning of philosophical knowledge of the time. The distinctions between Neo-Kantian schools and lack of an established historical-philosophical view of this phenomenon in a very general sense also played a part. However, the Kantian critique of Cassirer's principles of cognition did not become a methodological guide for all the philosophers who could be covered by the umbrella term "Neo-Kantians". The task was to call in question the mathematical nature of the natural sciences as the only sciences worthy of that name. For Shpet the idea was self-evident as a significant part of his philosophical consciousness. The methodological and cultural autonomy of culture sciences had to exist and be grounded by means of philosophy (Shpet, 2016, pp. 216, 384). Cognition and understanding are inherent in the human being, so that it is meaningless and absurd to confine the sphere of cognition to what is not an experience of a concrete being. In effect, this approach makes up for the Neo-Kantian "rigor" by expanding the phenomenological understanding of the life-world. The level of development of knowledge or science does not matter if its achievements do not lend themselves to human

моочевидной, составляя значимую часть его философского самосознания. Методологическая и культурная автономия наук о культуре должна существовать, быть обоснована посредством философии (Шпет, 2016, с. 216, 384). Познание и понимание укоренены в человеке, поэтому ограничивать сферу познания тем, что не является переживанием конкретного существа, бессмысленно и абсурдно. В сущности, этот подход компенсирует неокантианскую «строгость» расширением феноменологического понимания жизненного мира. Не имеет значения уровень развития знания или науки, если их достижения становятся недоступны пониманию человека. Точнее, они не могут считаться *единственно* научными. Схожая критика сциентистского подхода, указывающая на невозможность считать предельно абстрактные схемы образцом научности, была развита много позже.

Не всякое познание начинается с научного факта. Опыт не тождественен научному факту. Переживание не тождественно опыту. Возможно, познается мир, имеющий свои принципы организации, но мир познаёт только человек, поэтому структуру его познавательной активности требуется учитывать. Более того, именно эта структура первостепенна и содержит в себе основы познания. Познание на научной и философской основе подразумевает развитую методологию. В самом общем виде ни Кассирер, ни Шпет не отходят от этих установок. Однако посредством уточнения упрощенной схемы значения познавательной активности они приближаются к тому, чтобы претендовать на собственное понимание философии.

В уже упомянутых докладах Кассирера конца 1930-х гг. мы находим особое указание на принципиальную многокомпонентность и многоаспектность познавательной практики человека (Cassirer, 2011, S. 64). Логика наук о культуре выстраивается как понимание через символическую форму. Эта символическая форма черпает свой исток как наличный факт познания в перцептивной структуре человеческого сознания, которая схватывает реаль-

understanding. More precisely, they cannot claim to be *solely* scientific. A similar critique of the scientist approach which argues that completely abstract schemes cannot be supported, since models of scientificity was not developed until much later.

Not all cognition begins with a scientific fact. Experience is not identical to a scientific fact. Exposure is not identical to experience. The world as cognised may have its principles of organisation, but the world is cognised only by humans, so that the structure of their cognitive activity must be taken into account. Moreover, this structure is primary and contains the foundations of knowledge. Cognition on a scientific and philosophical basis implies a developed methodology. In general, both Cassirer and Shpet adhere to these principles. However, by tweaking a simplified scheme of the meaning of cognitive activity, they edge closer to claiming to have their own concept of philosophy. Already in the above-mentioned lectures that he delivered in the late 1930s Cassirer points out that human cognitive practice inherently has many components and many aspects (Cassirer, 2011, p. 64). The logic of culture science is based on understanding through symbolic form. The symbolic form draws on the fact of cognition in the perceptive structure of the human consciousness which captures reality without dismembering it in accordance with the entire analytical power of the cognitive apparatus, but perceiving it as a unity. The symbolic in form is not an accident and not an aberration to be corrected through a critical procedure; it is the very condition of cognition which is incorporated in the individual by the culture and history in which the individual exists (*ibid.*, p. 98).

This is one more point of conceptual intersection between the projects of Shpet and Cassirer. Thinking about (symbolic) forms as an import-

ность, не расчлняя ее в соответствии со всей аналитической мощью познавательного аппарата, но воспринимая ее как нечто единое. Символическое в форме — это не случайность и не абберация, которую требуется очистить посредством критической процедуры, это само условие познания, которое буквально инкорпорировано в познавательную направленность человека той культурой и историей, в которой он существует (Ibid., S. 98).

Это еще одна точка концептуального пересечения между проектами Шпета и Кассирера. Мышление о (символических) формах как важном элементе человеческой реальности объединяет двух философов в их попытке продолжения философии как объединяющей основы человеческой деятельности вообще. Неокантианские и многие другие проекты того времени также имели в виду важность философии, но важность философии не как философии, а как методологии познания. Стремясь уберечь философию от натиска экспериментального естествознания, неокантианцы слишком ее ограничили. Сама же философия должна была стать тем, что подлжит такому же членению, как и естественные науки. Если сформулировать это кратко в терминах философии истории философии Шпета, то задача философа состоит не в том, чтобы сциентизировать философию, а в том, чтобы сохранить связь между философией и наукой, вернуть ее к миру человека и культуры (Кассирер, 2002, с. 9; Шпет, 1914, с. 2).

Перед взглядом на мир стоит задача систематизировать и классифицировать богатство форм, доступных нашему восприятию. Но не только систематизировать и объяснить (эта философская задача на стороне человека). Требуется, коль скоро мы уравниваем в значении естественно-научное познание и познание культурных форм, объяснить многообразие существующей жизни, пролить свет на спонтанность ее изменений. Следующей задачей станет и отнесение к ценности. Обращаясь к работам современной ему биологии, опирающийся на работы голландского ботаника Хуго

ant element of human reality is what the two philosophers share in their attempt to perpetuate philosophy as a uniting basis of human activity in general. Neo-Kantian and many other projects of that time also recognised the importance of philosophy, but philosophy not as philosophy but as methodology of cognition. Seeking to protect philosophy against the onslaught of experimental natural science, Neo-Kantians limited it too much. Philosophy itself was to be subject to dismemberment like the natural sciences. To put it in a nutshell in terms of Shpet's history of philosophy, the philosopher's task is not to synthesise philosophy, but to preserve the connection between philosophy and science (Cassirer, 1957, p. XVI; Shpet, 1991, p. 176).

The worldview has the task of systematising and classifying the diversity of forms accessible to our perception. But not only to systematise and explain (that philosophical task is devoted to the human being). As long as we put cognition of cultural forms on a par with cognition in natural science it is necessary to explain the diversity of existing life and shed light on the spontaneity of its changes. The next task is reference to value. Drawing on the biology of his time — which was based on the works of the Dutch botanist Hugo de Vries (1848–1935), who developed the mutation theory which led to the genetic notion of the development of the living forms — Cassirer arrives at conclusions that are important for him (Cassirer, 2011, p. 39). The concept of incremental change simplifies the real picture and does not capture how life develops in reality. Evolution may make leaps that bring a qualitative change to a life form. Since it has to do with mutation, it is unpredictable. We are dealing already with the preservation of accumulated variability, which testifies to the operability of acquired features.

Attention to the mutational theory is not accidental, nor is the fact that Cassirer turned to bi-

Де Фриза (1848–1935), разработавшего мутационную теорию, которая легла в основу генетического представления о развитии форм живого, Кассирер приходит к значимым для себя выводам (Cassirer, 2011, S. 39). Представление о постепенном накоплении изменений упрощает реальную картину, не охватывает того, как развивается жизнь на самом деле. В рамках эволюции может происходить скачок, качественно меняющий жизненную форму. Поскольку речь идет о мутации, он непредсказуем. Мы имеем дело уже с сохранением накопленной изменчивости, которая свидетельствует о работоспособности приобретенных признаков.

Внимание к мутационной теории неслучайно, как и вообще обращение Кассирера к биологии. Биологическая нормативность здесь очевидным образом претендует на то, чтобы заместить математическую. Первая может быть описана посредством второй, но ее динамика может быть лишь вероятностной. Мутационная теория — спасительная соломинка, за которую хватается Кассирер, пытаясь достичь своей цели по отстаиванию автономии не только наук о культуре, но и наук о природе и в конечном итоге философии. Культура немыслима без идеи спонтанности, самоценных (автономных) по своей природе форм. Форм, которые могут быть различны на индивидуальном уровне, но сохраняют общий образ в рамках исторически существующего образования: «На уровне индивидуальной речи наблюдается разнообразие и изменчивость, на уровне символических форм языка — единообразие и постоянство» (Князева, 2019, с. 31; орфогр. испр. — Н.А.). Спонтанные отклонения не тождественны случайным, коль скоро им хватает сил для того, чтобы сохраниться и быть зафиксированными. Культура и ее философия здесь отличны от более хаотичного мира биологической жизни. Реализация случайности, ее закрепление свидетельствует о возможности этой культурной формы существовать. Проблема перехода в другой род (μετάβασις εἰς ἄλλο γένος) получает в философии символических

ology. Biological normativity obviously claims to supplant mathematical normativity. The former can be described via the latter, but its dynamics can only be probabilistic. The mutational theory is the saving straw which Cassirer seizes in his attempt to uphold the autonomy not only of culture sciences, but also the sciences of nature and, ultimately, philosophy. Culture is unthinkable without the idea of spontaneity, of intrinsically valuable (autonomous) forms. Forms that may differ at the individual level, but retain a common image in the framework of the historically existing education: “At the level of individual speech there is diversity and variability, at the level of symbolic forms of language there is uniformity and constancy” (Knyazeva, 2019, p. 31). Spontaneous deviations are not identical to accidental ones insofar as they are strong enough to endure and be fixed. In that respect culture and philosophy differ from the chaotic world of biological life. Realisation of an accident and its fixation show that a given cultural form is viable. The problem of changing the genus (μετάβασις εἰς ἄλλο γένος) gets a special interpretation in the philosophy of symbolic forms. Spontaneity of change, the mystery of the birth of the new are balanced because becoming a fact of cognition or culture is governed by organic laws. Symbolic forming is subordinate to the common logic of language and culture (Cassirer, 1925, pp. 70-71). They should be consulted when considering the value of cognition.

The idea of form is not that new forms are emerging, but that the existing forms produce new forms, owing to spontaneity limited by the laws of consolidation and balancing that are inherent in any culture at any time. The new objects that come into existence develop in history and in language to become perceptions and form trains of associations. I have stressed the importance of reference to antique philosophy for Shpet. It is important also for Cassirer, but in

форм особую интерпретацию. Спонтанность изменения, тайна рождения нового уравниваются тем, что становление фактом познания или культуры подчинено органическим законам. Символическое формирование подчинено общей логике языка и культуры (Кассирер, 2000, с. 377). Именно к ним следует обращаться, размышляя о ценности познания.

Идея формы не в том, что появляются новые формы, а в том, что существующие формы посредством спонтанности, ограниченной законами закрепления и уравнивания, органичными для всякой культуры и времени, образуют новые формы. Вновь возникшие предметы далее развиваются в истории и языке, они становятся перцепциями, формируют ассоциативный ряд культуры. Мы уже говорили о важности референтной позиции античной философии для Шпетта. Важна она и для Кассирера, но в другом смысле. Немецкий философ отмечает значение аристотелианской идеи категорий, проводя параллели между формами и категориями. Важность учения Аристотеля признавал и Шпет:

Зачастую это стремление русской философии к цельному знанию возводят к Платону, но в данном случае, коль скоро речь идет о методологическом сознании науки, нам важно, что в отечественной философии были попытки увидеть истоки такого понимания знания в творчестве Аристотеля. Так, Шпет, практически наперекор распространенным тогда трактовкам логики Аристотеля как формальной, выхолащивающей содержание, рассматривает формальную логику Аристотеля как науку о средствах выражения знания (Щедрина, Пружинин, 2020, с. 23).

Мы полагаем, что результаты сравнения подходов немецкого и русского философов к решению одной задачи о построении единой, не иерархически организованной теории наук демонстрируют преобладание конвергентной тенденции и фактически нивелируют дискурсивную дивергенцию. Для обоснования автономности культурных феноменов и их форм

a different sense. Cassirer notes the importance of the Aristotelian idea of categories, drawing parallels between forms and categories. Shpet, too, recognised the importance of Aristotle's doctrine:

Often the striving of Russian philosophy for integral knowledge is traced to Plato, but in our case, insofar as we speak about methodological consciousness of science, it is important that Russian philosophy should try to see the sources of this understanding of knowledge in the work of Aristotle. Thus Shpet, practically in defiance of the then widespread interpretations of Aristotle's logic as formal, bereft of content, sees Aristotle's formal logic as a science of the means of expressing knowledge (Shchedrina and Pruzhinin, 2020, p. 23).

I believe that the comparison of the approaches of the German and Russian philosophers to one and the same task of developing a single, non-hierarchically organised theory of sciences demonstrates the prevalence of the convergent trend and effectively annuls discursive divergence. Cassirer needs the mutational theory to ground the autonomy of cultural phenomena and their forms. To prevent the mutational theory looking like fluctuation in scientific knowledge, he turns not to the classification of sciences and methods, but to historically understandable philosophy, i.e. does precisely what Shpet does: he links the logic of cognition with the history of the spirit of the philosophy which is the first and most complete reflection. The conceptual toolkits of the two philosophers are of course very different. But they are very close in that they eschew stereotypes of methodological thinking: they try not to yield to the temptation of making structurally organised maps of sciences (cognition). Which brings us to the initial task Neo-Kantianism put before the two philosophers: to give a philosophical image of the world that would reflect the development of

Кассиреру требуется мутационная теория. Для того чтобы мутационная теория не выглядела флуктуацией в научном познании, он обращается не к классификации наук и методов, но к исторически понятой философии, то есть делает буквально то, что делает Шпет: увязывает логику познания с историей духа, первым и наиболее полным отражением которого является философия. Понятийный аппарат двух философов, вне всякого сомнения, отличается значительно. Но в своей части отклонения от стереотипизации методологического мышления они необыкновенно близки: это стремление избежать соблазна построения карт наук (познания), особенным образом структурно организованных. В этом аспекте мы возвращаемся к изначальной задаче, которую перед двумя философами поставило неокантианство: дать философский образ мира, который отвечал бы развитию наук и их возрастающей специализации. Неокантианское влияние и на Шпета, и на Кассирера состоит в осознании важности той задачи, с которой столкнулась Марбургская школа, то есть объективизации объекта познания вне ощущений, которые недостаточны, и вне идеи о «вещи самой по себе» (Дмитриева, 2007, с. 15–16).

Понятие «формы», таким образом, является ключевым связующим звеном между неудовлетворенностью неокантианством, принятием его ключевого критического пафоса и постановкой задачи в новом мире. Историко-философский исток «форм» известен — это концепции немецкого романтизма с его оригинальным философским взглядом на мир. Для Шпета это несомненный ориентир. Таковым он был и для Кассирера. Другое дело, что Кассирер отходит от прямой опоры на мысль Гёте и Гумбольдта, сохраняя заданный ими вектор лишь в общих чертах. Не страдая антисциентизмом, но содержательно обращаясь к достижениям естествознания (работы Хуго Де Фриза, Якоба фон Икссюля) в области генетики, Кассирер находит способ предложить альтернативный магистральному развитию неокантианской философии проект воззрений на

sciences and their growing specialisation. Neo-Kantian influence on Shpet and Cassirer consists in their consciousness of the importance of the task that confronted the Marburg school, i.e. objectification of the object of cognition outside sensations, which are insufficient, and outside the idea of “the thing in itself” (Dmitrieva, 2007, pp. 15-16).

Thus, the concept of “form” is the key link between dissatisfaction with Neo-Kantianism, the adoption of its inherent critical pathos and the setting of the task in a new world. The historical-philosophical source of “forms” is known to be German Romanticism with its original view of the world. This is undoubtedly a reference point for Shpet. And the same is true of Cassirer. It is another question that Cassirer does not directly refer to the thought of Goethe and Humboldt while following that vector in general. Not being afflicted by anti-scientism, but substantively drawing on the achievements of the natural sciences (the works of Hugo de Vries, Jakob von Uexküll) in the field of genetics, Cassirer proposes a view of culture and the diversity of human life that is an alternative to the mainstream Neo-Kantian philosophy. Life itself, not reducible to the psycho-physical, but existing in history and culture, was for Shpet and for Cassirer the main problem around which the polemic with other traditions revolved.

I submit that what prompted Shpet and Cassirer to turn to the question of the philosophical, symbolic nature of cognition was the problem and the task the preservation of which is more important than the hypothetical solution that can be achieved. Mathematisation of knowledge and model schematisation of cognition that seek to unify and erect a single edifice of science should not be an end in itself.

культуру и многообразие человеческой жизни. Сама эта жизнь, нередуцируемая к психофизическому, но существующая в истории и культуре, представляла для Шпета и Кассирера главную проблему, вокруг которой выстраивалась полемика с другими традициями.

* * *

Мы полагаем, что за оригинальным обращением Шпета и Кассирера к вопросу о философской, символической природе познания стоит проблема, задача сохранения которой важнее того гипотетического решения, к которому можно прийти. Математизация знания и образцовая схематизация познания, имеющие перед собой идею унификации и строительства единого здания науки, не должны становиться самоцелью. Математизация знания о мире важна в науках о природе, но не универсальна в науках о духе и тем более в философии. Смысловая интенциональность, то есть исторически и культурно обусловленное отношение к миру, первична. Идея того, что это не просто лозунг, ни на чем не основанный, а ко всему прочему и легко подвергаемый критике, основывается на феноменологической интуиции и объективно наблюдаемой культурной сложности. Деструктивный пафос революционного разделения философии и познания был очевиден и Шпету, и Кассиреру.

Постановка вопроса об исторической априорности (символических) форм является одной из ключевых новаций философии Шпета и Кассирера. Предзаданность контекста редуцируется в их мысли не к тому, что должно быть упразднено, а к тому, что должно стать предметом рефлексии и осмысления, в границах которого осуществляется познание и (вос)производство философского вопрошания, содержащего в себе смысл культурной и познавательной деятельности. Поэтому Кассирер с таким интересом и уважением говорит о самоценности мифического сознания, а Шпет, в свою очередь, призывает с уважением относиться именно к историческому контексту, основой понимания

Mathematisation of knowledge of the world is important in the natural sciences, but it is not universal in the sciences of the spirit, still less in philosophy. Sense intentionality, i.e. a historically and culturally conditioned attitude to the world, is primary. The notion that it is not merely an unsubstantiated slogan which does not stand up to criticism, stems from phenomenological intuition and objectively observed complexity of culture. Both Shpet and Cassirer were aware of the destructive pathos of revolutionary separation of philosophy and cognition.

Raising the question of historical *a priori* character of (symbolic) forms was one of the ground-breaking ideas of Shpet and Cassirer. They reduce the givenness of the context not to what should be canceled, but to what should become an object of reflection and understanding within which cognition and (re)production of philosophical inquiry takes place and which constitutes the meaning of cultural and cognitive activity. That is why Cassirer speaks with interest and respect about the intrinsic value of mythical consciousness, and Shpet, for his part, urges the need to respect historical context which cannot be understood without the history of thought i.e. philosophy. Shpet's interest in language (Shpet, 2007, pp. 220-223), history and the social, understood in a non-instrumental way, should be seen as an original attempt to give one's own answer to the Neo-Kantian approach to the question. Back not only to Kant, but to the matters that are important to us.

One of the most valuable parts of the legacy of Shpet and Cassirer is the applied aspect of their intuition about the structure of symbolic reality. Shpet develops an interest in literature and aesthetics in accordance with his philosophical concept of the structure of symbolic reality. Cassirer's works on the theory of culture are always close to cultural anthropology, but are imbued with profound respect for the idea of wholeness and diversity of world forms:

которого является история мысли, то есть философии. Интерес Шпета к языку (Шпет, 2007, с. 220–223), истории и неинструментально понятому социальному нужно понимать как оригинальную попытку дать собственный ответ на неокантианскую постановку вопроса. Назад к важным для нас вещам, а не только к Канту.

Одна из самых ценных частей наследия Шпета и Кассирера состоит в прикладном применении их интуиции об устройстве символической реальности. В соответствии с философским пониманием устройства символической реальности развивается интерес Шпета к литературе, эстетике. Работы Кассирера по теории культуры всегда близки культурной антропологии, однако выполнены с глубоким уважением к идее целостности и многообразия форм мира: «...именно символические формы “представления” и “значения” дают нам доступ к “объективной” действительности...» (Кассирер, 2002, с. 87). Продуктивность биологических метафор в науке для Шпета и Кассирера отличалась от додарвиновских органицистских теорий. Основная ценность концептуальных подходов этих философов состоит именно в том, что они смогли прочувствовать и реализовать потребность в отличном, но все так же научном подходе. Позднее, уже в современной философии науки, потенциал их интуиций был реализован в другом ключе (в том числе в проекте эволюционной эпистемологии).

Еще раз взглянем на предложенный Н. А. Дмитриевой критерий родства кантовского учения и неокантианской философии:

Принципиальным моментом, позволяющим говорить о безусловном родстве неокантианства с философией Канта, то есть той самой «*буквой*» или «*духом*» кантовского учения, должен считаться, по мнению Г. В. Тевзадзе, «*коперниканский поворот*». <...> ...На мой взгляд, необходимо добавить [к нему] признание «ограниченности познания возможным опытом» и «отказ от метафизических построений как выходящих за рамки возможного опыта» (Дмитриева, 2007, с. 41–42).

“[...] it is the symbolic functions of ‘presentation’ and ‘signification’ that creates access to that ‘objective’ reality [...]” (Cassirer, 2020, p. 118). For Shpet and for Cassirer the productivity of biological metaphors in science differed from pre-Darwinian organicist theories, their main value consisting in that they sensed the need for a different, but still scientific approach. Later, in modern philosophy of science, the potential of their intuitions was realised in a different way (including the project of evolutionary epistemology).

Let us take one more look at the criterion of kinship between Kant’s doctrine and Neo-Kantian philosophy, proposed by Nina A. Dmitrieva (2007, pp. 41-42):

The fundamental fact that proves beyond doubt the kinship of Neo-Kantianism and Kant’s philosophy, i.e. the “*letter*” or “*spirit*” of Kant’s doctrine, must be, in the view of G. V. Tevzadze, “*the Copernican turn*”. [...] in my opinion, we should add “the limitation of cognition to possible experience” and “renunciation of metaphysical theories as going beyond the framework of possible experience”.

On the strength of this presentation, it is clear that the philosophies both of Cassirer and Shpet meet this criterion in “*spirit*”, which does not make them identical to Neo-Kantian theories. This means only one thing: these two thinkers are an example of how the history of thought develops, proceeding, on the one hand, from the questions raised by Kant and, on the other hand, from the problems created by the answers that have been given to those questions.

References

- Cassirer, E., 1907. Kant und die moderne Mathematik. *Kant-Studien*, 12, pp. 1-40.
 Cassirer, E., 1922. *Die Begriffsform in der Mythischen Denken*. Leipzig: Teubner.

Исходя из нашего изложения ясно, что философия и Кассирера, и Шпета соответствует этому критерию по «духу», что не делает их тождественными неокантианским построениям. А это значит лишь одно: на примере этих двух мыслителей мы можем наблюдать, как развивается история мысли, опирающаяся, с одной стороны, на вопросы, поставленные Кантом, а с другой — на проблемы, порожденные данными на эти вопросы ответами.

Список литературы

Володин А. В., Зильбер А. С., Рифальский А. Ю. Кант и Шпет: конвергенции и дивергенции. Обзор международной научной конференции // Вопросы философии. 2024. № 3. С. 213–219. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2024-3-213-219>.

Гусейнов А. А. Место практического разума в критической философии Канта // Философия и практика / отв. ред. А. А. Гусейнов ; сост. Н. Б. Афанасов. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2024. С. 5–26.

Денн М. Почему он не уехал? Густав Шпет и революция // Вопросы философии. 2023. № 9. С. 14–21. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2023-9-14-21>.

Дмитриева Н. А. Русское неокантианство: «Марбург» в России. Историко-философские очерки. М. : РОССПЭН, 2007.

Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Соч. по антропологии, философии политики и философии религии в 3 т. / под ред. Н. А. Дмитриевой (отв. ред.), А. Г. Жаворонкова, А. Н. Круглова, В. А. Чалого. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2024. Т. 2 : Соч. по философии политики / под ред. В. А. Чалого. С. 31–47.

Кассирер Э. Язык и миф. К проблеме именования богов // Избранное: Индивид и космос. М. ; СПб. : Университетская книга, 2000. С. 327–389.

Кассирер Э. Философия символических форм. М. ; СПб. : Университетская книга, 2002. Т. 3 : Феноменология познания.

Кассирер Э. Философия символических форм. М. ; СПб. : Университетская книга, 2017. Т. 1 : Язык.

Князева Е. Н. Знаки животных и символы человека: взаимовлияние идей Я. фон Иксколя и Э. Кассирера // Человек. 2019. Т. 30, № 4. С. 25–40. <https://doi.org/10.31857/S023620070005902-9>.

Круглов А. Н. Философия Канта в России в конце XVIII — первой половине XIX веков. М. : Канон+ ; РООИ «Реабилитация», 2009.

Cassirer, E., 1925. *Sprache und Mythos. Ein Beitrag zum Problem der Götternamen*. Edited by F. Saxl. Leipzig: B. G. Teubner, pp. 1-80.

Cassirer, E., 1957. *The Philosophy of Symbolic Forms, Volume 3: Phenomenology of Knowledge*. Translated by R. Manheim, introductory note by Charles W. Hendel. New Haven & London: Yale University Press.

Cassirer, E., 2011. *Zur Logik der Kulturwissenschaften. Fünf Studien*. Hamburg: Felix Meiner.

Cassirer, E., 2013. *The Form of the Concept in Mythical Thinking*. In: E. Cassirer, 2013. *Warburg Years (1919–1933). Essays on Language, Art, Myth, and Technology*. Translated and with an Introduction by S. G. Lofts with A. Calcagno. New Haven: Yale University Press, pp. 1-71.

Cassirer, E., 2020. *The Philosophy of Symbolic Forms, Volume 1: Language*. Translated by S. G. Lofts. London & New York: Routledge.

Cassirer, E., 2020. *The Philosophy of Symbolic Forms, Volume 3: Phenomenology of Cognition*. Translated by S. G. Lofts. London & New York: Routledge.

Dennes, M., 2023. Why Didn't He Leave? Gustav Shpet and the Revolution. *Voprosy filosofii*, 9, pp. 14-21. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2023-9-14-21> (In Rus.)

Dmitrieva, N. A., 2007. *Russkoe neokantianstvo: "Marburg" v Rossii. Istoriko-filosofskie ocherki [Russian Neo-Kantianism: Marburg in Russia. Historical-philosophical Essays]*. Moscow: ROSSPEN. (In Rus.)

Guseynov, A. A., 2024. The Place of Critical Reason in Kant's System of Critical Philosophy. In: A. A. Guseynov, ed. 2024. *Filosofiya i praktika [Philosophy and Practice]*. Moscow, Saint-Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, pp. 5-26. (In Rus.)

Habermas, J., 1998. *The Philosophical Discourse of Modernity: Twelve Lectures*. Introduction by T. McCarthy, translated by F. Lawrence. Cambridge: Polity Press.

Kant, I., 2007. Idea for a Universal History with a Cosmopolitan Aim. Translated by A. W. Wood. In: I. Kant, 2007. *Anthropology, History, and Education*. Edited by G. Zöllner and R. B. Loudon. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 107-120.

Kemling, J., 2019. [Book Review] Skowroński Krzysztof Piotr & Sami Pihlström (eds.) *Pragmatist Kant: Pragmatism, Kant, and Kantianism in the Twenty-First Century*. *European Journal of Pragmatism and American Philosophy*, 11(2). <https://doi.org/10.4000/ej-pap.1790>.

Круглов А. Н. Кант и кантовская философия в русской художественной литературе. М. : Канон+, 2012.

Круглов А. Н. Философия Канта в России. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2024.

Мотрошилова Н. В. Работа Густава Шпета «Явление и смысл» как веха в развитии русской феноменологии // Историко-философский ежегодник. 2006. С. 294–305.

Повилайтис В. И. [Рецензия] // Кантовский сборник. 2011. Т. 37, № 3. С. 107–109. Рец. на кн.: Круглов А. Н. Философия Канта в России в конце XVIII – первой половине XIX веков. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. 586 с.

Сидорин В. В., Черняев А. В., Щедрина Т. Г. Густав Густавович Шпет // Институт научной философии. Начало / отв. ред.-сост. А. В. Черняев, Т. Г. Щедрина. М. : Политическая энциклопедия, 2021. С. 38–52.

Судаков А. К. Старый, давно необитаемый флигель: «Критика практического разума» как порождение архитектурного классицизма // Вестник РУДН. Сер.: Философия. 2022. Т. 26, № 3. С. 623–643. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2022-26-3-623-643>.

Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. Двенадцать лекций. 2-е изд. М. : Весь Мир, 2008.

Шпет Г. Г. Явление и смысл. Феноменология как основная наука и ее проблемы. М. : Гермес, 1914.

Шпет Г. Г. Герменевтика и ее проблемы // Шпет Г. Г. Мысль и Слово. Избранные труды / отв. ред.-сост. Т. Г. Щедрина. М. : РОССПЭН, 2005. С. 248–418.

Шпет Г. Г. Внутренняя форма слова: Этюды и вариации на темы Гумбольдта. 3-е изд., стер. М. : КомКнига, 2006.

Шпет Г. Г. Эстетические фрагменты // Шпет Г. Искусство как вид знания. Избранные труды по философии культуры / отв. ред. Т. Г. Щедрина. М. : РОССПЭН, 2007. С. 173–322.

Шпет Г. Г. Философия и наука. Лекционные курсы / предисл., коммент., археогр. работа и реконструкция Т. Г. Щедриной (отв. ред.-сост.). М. : РОССПЭН, 2010.

Шпет Г. Г. История как проблема логики: Критические и методологические исследования. Ч. 1 : Материалы / отв. ред.-сост., предисл., коммент., археогр. работа и реконструкция Т. Г. Щедриной. М. ; СПб. : Университетская книга, 2014.

Шпет Г. Г. История как проблема логики: Критические и методологические исследования. Ч. 2 : Архивные материалы. Реконструкция Татьяны Щедриной / отв. ред.-сост., вступ. ст., реконструкция Т. Г. Щедриной; археограф. работа Т. Г. Щедриной, И. О. Щедриной. М. ; СПб. : Университетская книга, 2016.

Knyazeva, E. N., 2019. Animals' Signs and Man's Symbols: Mutual Influence of J. von Uexküll's and E. Cassirer's Ideas. *Chelovek [The Human Being]*, 4(30), pp. 25-40. <https://doi.org/10.31857/S023620070005902-9> (In Rus.)

Krouglov, A. N., 2009. *Filosofiya Kanta v Rossii v kontse XVII – pervoy polovine XIX vekov [Kant's Philosophy in Russia at the End of the 18th – in the First Half of the 19th Centuries]*. Moscow: Kanon+; ROOI "Reabilitatsiya". (In Rus.)

Krouglov, A. N., 2012. *Kant i kantovskaya filosofiya v russkoy khudozhestvennoy literature [Kant and Kant's Philosophy in Russian Literature]*. Moscow: Kanon+. (In Rus.)

Krouglov, A. N., 2024. *Filosofiya Kanta v Rossii [Kant's Philosophy in Russia]*. Kaliningrad: IKBFU Press. (In Rus.)

Luft, S., 2005. Cassirer's Philosophy of Symbolic Forms: Between Reason and Relativism. A Critical Appraisal. *Idealistic Studies*, 34, pp. 25-47.

Motroshilova, N. V., 2006. Gustav Shpet's Work "Appearance and Sense" as a Milestone in the Development of Russian Phenomenology. *History of Philosophy Yearbook*, 1, pp. 294-305. (In Rus.)

Povilaitis, V. I., 2011. [Book Review] Krouglov A. N. Kant's Philosophy in Russia at the End of the 18th Century. *Kantian Journal*, 3(37), pp. 107-109. (In Rus.)

Shchedrina, T. G., and Shchedrina, I. O., 2023. Gustav Shpet's "Notes on Kant": On the Meaning of "Positive Critique". *Kantian Journal*, 42(2), pp. 160-177. <https://doi.org/10.5922/0207-6918-2023-4-8> (In Rus.)

Shchedrina, T. G., and Pruzhinin, B. I., 2020. "Back to Aristotle": The Dignity of Knowledge as a Problem of Epistemology. *Voprosy filosofii*, 1, pp. 18-26. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-1-18-26> (In Rus.)

Shpet, G., 1991. *Appearance and Sense. Phenomenology as the Fundamental Science and Its Problems*. Translated by T. Nemeth. Dordrecht & Boston & London: Kluwer.

Shpet, G., 2019. *Hermeneutics and Its Problems*. In: G. Shpet, 2019. *Hermeneutics and Its Problems. With Selected Essays in Phenomenology*. Edited and translated by T. Nemeth. Cham: Springer, pp. XXV-XXVII, 1-151.

Shpet, G. G., 2006. *Vnutrennyaya forma slova: etyudy i variatsii na temy Gumbol'dta. [The Inner Form of a Word: Etudes and Variations on Humboldt's Themes]*. Moscow: KomKniga. (In Rus.)

Shpet, G. G., 2007. Aesthetic Fragments. In: G. G. Shpet, 2007. *Iskusstvo kak vid znaniya. Izbrannye trudy po filosofii kul'tury [Art as a Form of Knowledge. Selected Works on Philosophy of Culture]*. Edited by T. G. Shchedrina. Moscow: ROSSPEN, pp. 173-322. (In Rus.)

Щедрина Т. Г., Пружинин Б. И. «Назад к Аристотелю»: достоинство знания как проблема эпистемологии // Вопросы философии. 2020. № 1. С. 18–26. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-1-18-26>.

Щедрина Т. Г., Щедрина И. О. «Заметки о Канте» Густава Шпета: к вопросу о смысле «положительной критики» // Кантовский сборник. 2023. Т. 42, № 4. С. 160–177. <https://doi.org/10.5922/0207-6918-2023-4-8>.

Cassirer E. Kant und die moderne Mathematik (Mit Bezug auf Bertrand Russells und Louis Couturats Werke über die Prinzipien der Mathematik) // Kant-Studien. 1907. № 12. S. 1–49.

Cassirer E. Die Begriffsform im mythischen Denken. Leipzig: Teubner, 1922.

Cassirer E. Zur Logik der Kulturwissenschaften. Fünf Studien. Hamburg: Felix Meiner Verlag, 2011.

Kemling J. [Book Review] // European Journal of Pragmatism and American Philosophy. 2019. Vol. 11, № 2. <https://doi.org/10.4000/ejrap.1790>. Рец. на: Skowroński K. P., Pihlström S. (eds.). Pragmatist Kant: Pragmatism, Kant, and Kantianism in the Twenty-first Century. Helsinki, 2019. 327 + X p. (Nordic Studies in Pragmatism, №4).

Luft S. Cassirer's Philosophy of Symbolic Forms: Between Reason and Relativism. A Critical Appraisal // Idealistic Studies. 2005. Vol. 34, №1. P. 25–47.

Plotnikov N. Introduction to N. I. Zhinkin: Form of Mythical Consciousness // Studies in East European Thought. 2023. Vol. 75. P. 337–342. <https://doi.org/10.1007/s11212-022-09533-7>.

Zhinkin N. I., Plotnikov N. Nikolai I. Zhinkin: Form of Mythical Consciousness // Studies in East European Thought. 2023. Vol. 75. P. 343–350. <https://doi.org/10.1007/s11212-022-09534-6>.

Об авторе

Николай Борисович **Афанасов**, кандидат философских наук, сектор социальной философии, Институт философии РАН, Москва, Россия.

E-mail: n.afanasov@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9183-3849>

Для цитирования:

Афанасов Н. Б. Неокантианский вопрос о методе, проблема формы и значение изменчивости в философии Густава Шпета и Эрнста Кассирера // Кантовский сборник. 2024. Т. 43, № 3. С. 81–103. doi: 10.5922/0207-6918-2024-3-5

© Афанасов Н. Б., 2024.

Shpet, G. G., 2010. *Filosofiya i nauka. Lektsionnye kursy* [Philosophy and Science. Lecture Courses]. Moscow: ROSSPEN. (In Rus.)

Shpet, G. G., 2014. *Istorija kak problema logiki: Kriticheskie i metodologicheskie issledovanija. Chast' 1: Materialy* [History as a Problem of Logic: Critical and Methodological Studies. Part 1: Materials]. Edited and commented by T. G. Shchedrina. Moscow & St. Petersburg: Universitetskaja kniga. (In Rus.)

Shpet, G. G., 2016. *Istorija kak problema logiki: kriticheskie i metodologicheskie issledovanija. Chast' 2: Materialy* [History as a Problem of Logic: Critical and Methodological Research. Part Two. Archive Materials. Reconstruction by T. G. Shchedrina]. Moscow, Saint-Petersburg: Universitetskaja kniga. (In Rus.)

Sudakov, A. K., 2022. An Old Annex, Long since Unhabitable: The Critique of Practical Reason as an Offspring of Architectonic Classicism. *RUDN Journal of Philosophy*, 3(26), pp. 623–643. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2022-26-3-623-643> (In Rus.)

Volodin, A. V., Zilber, A. S., and Rifalsky, A. Yu., 2024. Kant and Shpet: Convergences and Divergences. An Overview of the International Scientific Conference. *Voprosy filosofii*, 3, pp. 213–219. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2024-3-213-219> (In Rus.)

The author

Dr Nikolai B. Afanasov, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

E-mail: n.afanasov@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9183-3849>

To cite this article:

Afanosov, N. B., 2024. Neo-Kantian Question on Method, the Problem of Form and the Meaning of Variability in Gustav Shpet and Ernst Cassirer's Philosophy. *Kantian Journal*, 43(3), pp. 81–103. <http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2024-3-5>

© Afanasov N. B., 2024.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))